

ЗА ПЕЛЕНОЙ НЕПОПУЛЯРНОСТИ

**Екатерина
Мақдугалл**
восхищается
суровым стилем
русского искусства
эпохи Хрущева
и рассуждает
о причинах его
несправедливого
забвения.

ЕКАТЕРИНА МАҚДУГАЛЛ –
директор аукционного
дома MacDougall's.

Иногда, когда я задумываюсь о российской истории, мне хочется воскликнуть: да, я не люблю российскую интеллигенцию! Я сейчас даже не говорю о травле Столыпина или Александра II Освободителя – зачем так далеко ходить? Стоит вспомнить, скажем, о Никите Сергеевиче Хрущеве. Как только над ним не глумились, каким только самодуром и деревенщиной не рисовали его в своих воспоминаниях представители прогрессивной общественности. И то: накричал на пару художников, обидел кое-каких писателей (хотя «Один день Ивана Денисовича» был опубликован непосредственно с его согласия) – и все! Оставайся в истории тупым шутком, а заодно и гасителем творческого огня! А то, что он выпустил миллионы из тюрем, сократил рабочую неделю с 48 до 41 часа, освободил крестьян, уменьшил армию, наложил запрет на ядерные испытания, пытался остановить гонку вооружений, построил жилье для сотен тысяч семей и поставил своей целью накормить живущую впроголодь страну свининой – не кукурузой, кукуруза как раз-таки нужна была для свиней, – ну и что с того? Главное ведь – он пытался руководить творческой интеллигенцией! А российская творческая интеллигенция, как известно, воспринимает подобные попытки как откровенную тиранию. И, как в песне поется, долой тиранов!

Период российской истории с 1956 года, с XX съезда партии, по 1964 год – год снятия Хрущева – это не период оттепели, как опять же снисходительно окрестили его в России. Это серьезнейший этап в развитии державы с последовательным проведением антисталинских реформ, с попыткой восстановить безнадежно отставшую экономику, реабилитировать безнадежно скомпрометированный политический строй. Эта попытка закончилась трагически. Но как бы сейчас ни рассматривали ее критики, современники как раз поверили Хрущеву на все сто, и эта вера породила настоящее

искусство. Русское искусство периода Хрущева нынче настолько же непопулярно, насколько проигнорирован ее вдохновитель. Между тем именно в середине 1950-х из-под монолита погребенной сталинской эпохи начинает пробиваться инакомыслие и как следствие – иное искусство. Представители наиболее «сформулированного» художественного течения той поры – «сурового стиля», следуя собственному наитию, но в русле директивы партии, игнорируют художественный опыт сталинского периода и обращаются непосредственно назад – к стилистике ОСТА, к исканиям Пименова, Дейнеки, Лучишкина. Нарочитая плакатность, обобщенность образов, контрастность палитры, линейность фигур – попытка выразить себя и эпоху в форме эпоса. Конечно, кроме влияния выпускников ВХУТЕМАСа 1920-х годов на художников «сурового стиля» – Попкова, Андропова, Никонова, Коржева, Салахова, Обросова, Осовского и других – повлияла и западная живопись, итальянский неореализм в первую очередь (между прочим, в 1962 году Ренато Гуттузо был избран почетным членом Академии художеств СССР). Тем не менее «суровый стиль» – безусловно, глубоко национальное, очень характерное для своего времени художественное явление. Не вдаваясь здесь в искусствоведческий анализ, впечатление от картин этих молодых художников можно сформулировать так: на место слащавым, насквозь фальшивым «залакированным» образам соцреализма приходят люди, твердо стоящие на земле, с широко расправленными плечами. В этих «героях советских будней», как окрестили их критики, чувствуются человеческое достоинство и гордость за себя, за свою страну, за свое предназначение. Именно это состояние всего общества, это умонастроение людей точно, динамично, талантливо передает искусство так называемой хрущевской оттепели. И вопрос здесь не в том, когда еще так чувствовали себя граждане России, – вопрос в том, когда же они снова так себя почувствуют! **‘S**